

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.11>

Первушина Елена Александровна, Цзан Юньмэй

ОБРАЗ РОССИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. И. НЕСМЕЛОВА "СВОЮ СТРАНУ, СТРАНУ СУДЬБЫ ЛИХОЙ..."

В статье рассматривается образ России, представленный в стихотворении А. И. Несмелова "Свою страну, страну судьбы лихой..." как собирательный образ русской словесности. До сих пор исследователи были уверены в исключительно трагическом осмыслении ведущей в стихотворении Несмелова литературной темы. Авторы работы убеждены, что в нем важно увидеть не только горестное ощущение потери и одиночества, но и признание позитивной значимости русской литературы. Литературные персонажи, которых называет поэт, ассоциируются с представлением о нравственной силе, высоком достоинстве, духовной стойкости, эстетической одаренности и богатстве чувственного восприятия жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 55-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. 荣洁. 小人物. 历史. 生态---三位哈尔滨俄侨作家的生平与创作 // 解放军外国语学院学. 2005. № 6. 101-104 页 (Жун Цзе. «Маленькие люди», история, экология. Жизнь и творчество трех русских писателей-эмигрантов в Харбине // Вестник Института иностранных языков НОК. 2005. № 6. С. 101-104).
10. 曲雪萍. 探索“紫丁香”—对摇曳于东方的俄侨女诗人的研究. 硕士学位论文: 050202. 齐齐哈尔, 2012. 69 页 (Цюй Сюэпин. Исследование творчества русских «сирен» – русские поэтессы-эмигранты на Востоке: дисс. ... магистра: 050202. Цицикар, 2012. 69 с.).
11. 李延龄. 兴安岭奏鸣曲. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 黑龙江教育出版社, 2002. 546 页 (Ли Яньлин. Соната над Хинганом. Харбин, 2002. 546 с.).
12. 王志成. 虎文化的象征意义 // 资源与人居环境. 2010. № 3. С. 35-39 (Ван Чжичэн. Символическое значение культуры тигра // Ресурсы и среда обитания. 2010. № 3. С. 35-39).
13. 王亚民. “满洲”密林的生态书写与哲学性思考--以俄侨作家尼. 巴依科夫的《大王》为例 // 沈阳师范大学学报. 2016. № 6. 8-13 页 (Ван Ямин. Экологическое описание и философские размышления о «маньчжурской» тайге – на примере «Великого Вана» русского писателя-эмигранта Н. Байкова // Вестник Шэньянского педагогического университета. 2016. № 6. С. 8-13).
14. 曲雪萍. 论中国俄罗斯侨民女诗人及其作品 // 齐齐哈尔大学学报. 2012. № 4. 75-77 页 (Цюй Сюэпин. О русских эмигрантских поэтессах в Китае и их произведениях // Вестник Цицикарского университета. 2012. № 4. С. 75-77).
15. 刘晓丽. 流寓华北的东北作家的“满洲想像” // 上海师范大学学报. 2008. № 3. 116-120 页 (Лю Сюэли. «Маньчжурское воображение» приехавших на северо-восток Китая писателей // Вестник Шанхайского педагогического университета. 2008. № 3. С. 116-120).
16. 汪介之. 俄罗斯侨民文学与本土文学关系初探 // 外国文学评论. 2004. № 4. 109-118 页 (Ван Цзэцзы. Предварительное исследование взаимосвязи русской эмигрантской литературы и родной литературы // Обзор зарубежной литературы. 2004. № 4. С. 109-118).

CREATIVE SPECIFICITY OF THE RUSSIAN EMIGRANT LITERATURE IN CHINA

Myao Khuei, Ph. D. in Culturology, Professor
Qiqihar University, China

The Centre for the Study of Slavic Countries under the Ministry of Education of the People's Republic of China
on the basis of the Institute of Slavic Languages of Harbin Pedagogical University, China
13803619456@163.com

Wang Zhongsheng
Qiqihar University, China
479373367@qq.com

The article discusses various creative methods of the Russian emigrant literary men in China. The Russian writers and poets, who had been living in China for many years, had deep understanding and comprehension of the Chinese culture, natural environment and social problems. In their literary works, they used different creative methods, including critical realism, romanticism and symbolism, in order to embody the Chinese culture elements in their works. Scientific novelty of the research is in a detailed analysis of the works of the Russian literary emigration in China, as well as their semantic interpretation, the study of the creative way of the writers and poets who advocated the ideas of the world harmony, humanistic feelings of love for the Motherland and aspiration for peace.

Key words and phrases: Russian emigrant literature in China; Chinese culture; impact; creative method; G. Kachurov; N. Baikov; L. Khainrova; E. Vladi.

УДК 82.14

Дата поступления рукописи: 08.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.11>

В статье рассматривается образ России, представленный в стихотворении А. И. Несмелова «Свою страну, страну судьбы лихой...» как собирательный образ русской словесности. До сих пор исследователи были уверены в исключительно трагическом осмыслении ведущей в стихотворении Несмелова литературной темы. Авторы работы убеждены, что в нем важно увидеть не только горестное ощущение потери и одиночества, но и признание позитивной значимости русской литературы. Литературные персонажи, которых называет поэт, ассоциируются с представлением о нравственной силе, высоком достоинстве, духовной стойкости, эстетической одаренности и богатстве чувственного восприятия жизни.

Ключевые слова и фразы: русская литература; литература русского зарубежья; литература восточной ветви русского зарубежья; творчество А. И. Несмелова; тема родины; образ России.

Первушина Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Цзан Юньмэй

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
pervushelena@yandex.ru; 1374766721@qq.com

ОБРАЗ РОССИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. И. НЕСМЕЛОВА «СВОЮ СТРАНУ, СТРАНУ СУДЬБЫ ЛИХОЙ...»

Известно, что литература русской эмиграции, развивавшаяся в Китае, была достойным продолжением классических традиций российской словесности. Китайская исследовательница этого литературного явления

Мяо Хуэй подчеркнула, что русскую эмигрантскую литературу в Китае «отличают яркая индивидуальность, присутствие местного колорита, глубокая и искренняя тоска по покинутой Родине, неповторимый этнический стиль» [9, с. 136]. При этом исследовательница выразила уверенность в том, что эта литература «сохранила не только характерные для литературы “серебряного века” особенности культуры России, но вобрала в себя и многие черты китайской литературы». Во многом это произошло благодаря тому, что в произведениях русских поэтов-эмигрантов была представлена разнообразно и богато разработанная художественная перекличка китайских и русских тем, образов и мотивов. Поэтому не ослабевает исследовательский интерес к поэтическому воплощению составляющих этой переклички.

Один из самых талантливых и самобытных представителей литературы русского зарубежья в Китае – Арсений Иванович Несмелов (1889-1945). Защищавший «белое движение» на фронтах гражданской войны в России, в 1924 г. он вынужден был покинуть Россию и поселиться в Харбине, ставшем китайским центром русской дальневосточной эмиграции. Именно там Несмелов состоялся как поэт и приобрел известность. Его знаменитый младший современник В. Ф. Перелешин утверждал, что Несмелов был «наиболее влиятельным среди харбинских поэтов двадцатых, тридцатых и сороковых годов» XX в. [Цит. по: 7, с. 120]. О его стихах одобрительно говорили Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева, Н. Н. Асеев, Л. Н. Мартынов и др. Сейчас признано, что творчество Несмелова стало интереснейшей страницей в истории поэзии русского зарубежья, и без Несмелова эта история была бы неполной.

Конечно, исследователи не могли не обратить внимания на такого яркого автора, и изучение его творческого наследия, безусловно, обогатило и продолжает обогащать представление как о русской, так и о китайской литературах начала XX в. Понятно, что к анализу творчества Несмелова в первую очередь обратились его соотечественники: Е. В. Витковский, С. Ф. Крившенко, В. В. Агеносов, О. А. Бузуев, А. А. Хисамутдинов, И. С. Трусова, О. Н. Романова, В. Г. Пузырев, Л. И. Хаиндрава и др. О творчестве Несмелова стали говорить и многие зарубежные ученые. Это профессора Айовского университета США Э. Штейн и В. Крейд, польский исследователь Б. Коздис [13, с. 5, 7, 17, 19, 24]. Все они были единодушны в признании поэзии Несмелова как весомого вклада в развитие русской и китайской литератур.

Было отмечено, что одной из главных в творчестве Несмелова, так же, как и у многих других поэтов русского зарубежья, была ностальгически осмысленная тема Родины. Замечательны в этом отношении стихи поэта, вошедшие в сборник «Без России», напечатанный в 1931 г. в Харбине. Именно в нем было представлено одно из самых известных стихотворений поэта, традиционно называемое его первой строкой – «Свою страну, страну судьбы лихой...». Оно неоднократно привлекало внимание исследователей. В 2000 г. его выделила в своем обзоре И. С. Трусова, автор кандидатской диссертации о поэтической биографии писателя [13]. О нем писал О. А. Бузуев, защитивший в 2001 г. докторскую диссертацию о дальневосточной литературе русского зарубежья [1]. Позднее это стихотворение анализировала А. А. Хадынская в статье «Утраченная Россия Арсения Несмелова» [15]. На это стихотворение обратил внимание и китайский исследователь Ван Е [2].

Главной темой стихотворения единодушно была признана тема литературы. Все писавшие об этом были уверены в трагическом осмыслении данной темы, поскольку она, как справедливо заявила А. А. Хадынская, «сопряжена с образом утраченной России» [15, с. 184]. О том, что в стихотворении звучит «драматизм утраты родины, и горечь обиды» писателя, ранее писала И. С. Трусова [13, с. 140]. Китайский исследователь Ван Е уверен, что в указанном стихотворении «автор рисует свою трагическую ситуацию в изгнании и свое духовное одиночество» [2, с. 187]. Вместе с тем поэтическую палитру стихотворения, на наш взгляд, нельзя ограничить только минорными красками, а ведущую тему произведения однозначно истолковывать как тему трагической утраты.

Попытаемся показать это в нашей статье, поставив перед собой следующую **цель** – проанализировать функцию тех поэтических коннотаций, которые возникают в стихотворении Несмелова «Свою страну, страну судьбы лихой...» при упоминании автором героев русской литературы. Для выполнения этой цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) напомнить об основной художественной значимости каждого из этих персонажей – Аркадия Райского и Веры из романа И. А. Гончарова «Облом», Хоря и Калиныча из одноименного рассказа И. С. Тургенева и Ахиллы Десницына из романа Н. С. Лескова «Соборяне»; 2) выявить поэтическую содержательность собирательного образа России как русской литературы, создаваемый в контексте стихотворения перечислением указанных персонажей; 3) определить художественный смысл и нравственно-эстетическое значение образа России в анализируемом стихотворении Несмелова; 4) наметить перспективные возможности данного анализа. **Актуальность** подобного изучения видится нам в том, что таким образом мы работаем в русле рецептивно-функциональных задач современного литературоведения. **Научную новизну** предлагаемой нами статьи определяет обращение к неисследованным ранее аспектам в творчестве Несмелова.

Прежде всего, напомним данное стихотворение Несмелова.

*Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то Райский и какой-то Хорь;
Саводников кладбищенские урны!
И Вера – восхитительный «Обрыв»,
Бескрылая, утратившая силу.
И может быть, ребенком полюбив,
Еще я вспомню дьякона Ахиллу.
Конечно, список может быть длинней,*

Но суть не в нем: я думаю, робея, –
 В живой стране, в России этих дней,
 Нету меня родного, как в Бомбее!
 Не получить мне с родины письма
 С простым, коротким: «Возвращайся, милый!»
 Разрублена последняя тесьма.
 Ее концы разъединили – мили.
 Не удивительно ли: страна –
 В песках пустыни, что легли за нами, –
 Как скользкая игла обронена,
 Потеряна, как драгоценный камень!
 Уже печаль и та едва живет,
 Отчалил в синь ее безмолвный облак,
 И от страны, меня отвергшей, вот –
 Один пустой литературный облик [10, с. 318].

Очевидно, что поэт вспоминает здесь о России, по его собственному выражению, «лишь литературно». Важно остановиться конкретно на называемых поэтом литературных героях. Прежде всего, он как бы мельком говорит: «Какой-то Райский». Понятно, что речь идет об одном из главных персонажей романа И. А. Гончарова «Обрыв» – Борисе Павловиче Райском. В свое время очень точную характеристику этому герою дал Д. С. Мережковский: «Райский – воплощение и развитие созерцательной, артистической стороны обломовского типа. Такие мягкие, впечатлительные и ленивые натуры – благодарная почва для художественного дилетантизма» [8, с. 623]. С одной стороны, гончаровский Райский – талантливый и возвышенный художник, обладающий тонкой душевной организацией, с другой – он при этом ужасно ленив. Любимое дело Райского – коротать время за созерцанием окружающего мира, особенно восхищаться красивой девушкой. Он ничего не может довести до конца и нигде не достигает успеха. Райский хочет любви и от Софии, и от Марфеньки, но они отказывают ему. Самое сильное впечатление на него оказывает, конечно, загадочная Вера. Именно Веру вспоминает далее лирический герой стихотворения Несмелова, и именно в связи с ней он назовет роман Гончарова «восхитительным». Вера замкнута и не идет на откровенные разговоры, в ней постоянно ощущается какая-то тайна. Это очень сильная личность, она очень умна, она много читает и серьезно интересуется смелыми взглядами Марка Волохова. Но одновременно Вера так же, как и ее замечательная бабушка, необыкновенно тверда в ее нравственной позиции, мужественно находя в себе душевные силы отказать от Марка. Осознав глубинную силу характера Веры, Райский поймет всю несерьезность своих романтических представлений о любви.

Можно предположить, почему Несмелов называет в своем стихотворении этих героев Гончарова. Подобно Райскому, оказавшемуся вдали от родной страны, поэт тоже должен был пережить горькие и отрезвляющие уроки чужбины. Так же, как Райский, который в Италии с особенной силой осознал мощную духовную силу Веры и ее бабушки, за которой стояла другая «великая бабушка – Россия» [3, с. 648], – так же и Несмелов почувствовал грандиозную идею Гончарова о спасительной силе понимания своей причастности родной земле.

Вслед за «каким-то Райским» в анализируемом стихотворении Несмелова называется «какой-то Хорь». Конечно, речь идет об одном из героев рассказа И. С. Тургенева, включенного в цикл «Записки охотника», – «Хорь и Калиныч». Несмелов называет только Хоря, но в рассказе Тургенева его образ неотделим от образа другого персонажа – Калиныча. С одной стороны, Хорь и Калиныч очень непохожи друг на друга. Хорь – человек рациональный и практичный; Калиныча, напротив, отличает, казалось бы, необычная для крестьянина поэтическая нежность. Хорь – практик, ему интересны вопросы государственного политического устройства и бытовой организации жизни. Калинычу интереснее знать про людей в разных странах, он грамотен и любит читать. У Хоря семья, Калиныч одинок. Однако при этом героев объединяет удивительно теплая и добрая дружба. Калиныч трогателен в нежности к другу, очень выразителен в этом плане эпизод, когда он приносит Хорю пучок полевой земляники, которую специально нарвал для него в лесу. Яркой художественной силой исполнены у Тургенева знаменитые «музыкальные» сцены в рассказе: «Калиныч пел довольно приятно и поигрывал на балалайке. Хорь любил слушать его, загибал вдруг голову набок и начинал подтягивать жалобным голосом. Особенно он любил песню “Доля ты моя, доля!”. Хорь подпирает щеку рукой, закрывает глаза и продолжал жаловаться на свою долю...» [14, с. 36]. В результате очевидно, что Тургенев вовсе не противопоставляет этих, казалось бы, антиподов. Наоборот, образы Хоря и Калиныча дополняют друг друга, являя собой пример органического духовного единства. Нам важно подчеркнуть, что Несмелов вспоминает в своем стихотворении не несчастных и обездоленных некрасовских горемык, а людей, наделенных удивительно красивой духовной силой.

Наконец, в ряду называемых Несмеловым литературных персонажей появляется дьякон Ахилла Десницын, герой романа Н. С. Лескова «Соборяне». Специалисты подчеркивали, что именно «в этом произведении Лесков вполне обретает свойственный ему стиль художественного мышления, находит мир близких его сердцу героев-праведников и как бы окончательно ступает на свою художественную стезю» [12, с. 27]. В романе три главных героя: протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов и дьякон Ахилла Десницын. Все они представлены необыкновенно выразительно. В. Ю. Троицкий отметил, что «искусство пластической лепки характеров достигло в хронике удивительного совершенства» [Там же, с. 28]. Каждый из названных героев своеобразен. Протопоп Савелий – прямая и честная душа. Высокий и величавый, с гривой красивых густых волос, похожих на кудри «Фидиева Зевса», он, несмотря на солидный возраст, «сохранил

весь пыл сердца и всю энергию молодости» [5, с. 45]. В отличие от протопопа, Захария – воплощенная крохотность и смирение. Маленький, тщедушный, слабенький, он «весь точно сплетен из соломки» [Там же, с. 46].

Однако из этой троицы Несмелов выделил одного героя с говорящим именем – Ахилла Десницын. Он, безусловно, принадлежит к числу тех найденных характеров, которыми гордился Лесков, утверждавший, что он знал «русского человека в самую его глубь» [6, с. 320]. В свое время об этом говорил А. М. Горький, сказавший, что Лесков писал «всегда о русском человеке» и «прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется “душою народа”» [4, с. 276]. Это действительно великолепный пример русского характера. Одаренный «непомерным» басом, дьякон Ахилла был известен как человек «весьма веселый... и притом безмерно увлекающийся» [5, с. 47]; более того – он вообще «не знал меры своим увлечениям» [Там же]. Чего стоит, например, рассказ о том, как дьякону мало трижды пропеть «Свят Господь Бог наш» [Там же], он непременно поет четырежды. Находясь под впечатлением глубокого смысла слов «скорбьми уязвлен» [Там же, с. 48], Ахилла вообще не может остановиться, исполняя их. Лесков достигает особенного мастерства в рисовании этого эпизода, сообщая о том, что, когда забывшегося дьякона наконец-то насильно останавливали, гулкое эхо церковного свода эффектно продолжило горестный речитатив Ахиллы.

Нельзя не видеть, что образ Ахиллы становится для Несмелова наглядным выражением представлений писателя о русском характере и, следовательно, о России. Представляется уместным сказать о том, что роман Лескова и в наши дни воспринимается как образец высокой духовной культуры писателя, имеющий непреходящее значение для современной культуры. Знаменитый театральные режиссер Р. Г. Виктюк, прославившийся острым чувством новизны изображаемого, выразил желание представить произведение Лескова на сцене. Он попросил написать пьесу по данному роману известную в России писательницу Н. Н. Садур. По ее свидетельству, Виктюк так аргументировал свою просьбу: «Напиши пьесу по Лескову “Соборяне”. Шчас такое время бездушное. Очень нужная вещь» (орфография автора сохранена. – *Е. А., Цзан Юньмэй*) [Цит. по: 11]. Садур согласилась с ним, восторженно сказав о романе: «Это букет сирени, родимой родины привет – такой роман!» [Там же]. В 1992 г. спектакль «Соборяне» по пьесе Садур был поставлен в Театре им. Евгения Вахтангова. Очевидно, что Несмелов опять назвал в своем стихотворении литературного героя необыкновенно самобытного и яркого, последовательного в исполнении своих жизненных убеждений.

В результате оплакиваемая Несмеловым и навсегда утраченная им Россия предстает в анализируемом стихотворении главным образом в виде по-своему собирательного образа русской словесности. Именно эта бесконечно дорогая сердцу поэта литература определила здесь высочайшую ценность его потерянной родины, которую он так выразительно сравнил с драгоценным камнем. Чрезвычайно важно и интересно то, что, вспоминая свою литературную Россию, Несмелов не говорит о стране-страдалице и о героях-мучениках, хотя ими так богата русская словесность. Названные в анализируемом стихотворении литературные персонажи ассоциируются в читательском сознании с представлением о нравственной силе, высоком достоинстве, духовной стойкости, эстетической одаренности и богатстве чувственного восприятия жизни. Поэтому в стихотворении Несмелова необходимо видеть не только горестное ощущение потери и одиночества, но и признание бесценной значимости литературы, созданной на родине поэта. Россия отдалась от него, но она не утратила сияния своей позитивной литературной славы.

Вывод, сделанный в настоящей работе, важен не только для более точного прочтения стихотворения «Свою страну, страну судьбы лихой...». Изучение образа и темы России как прежде всего ее национальной литературы необходимо для определения одного из самых выразительных путей художественной идентификации поэтов восточной восточной вести русского зарубежья, особенно ее китайской составляющей. Известно, что многие русские писатели – А. И. Несмелов, Н. Н. Алл, С. Я. Алымов, А. А. Ачаир, А. Т. Баженова, Б. Бета, Б. Н. Волков, Л. Е. Ещин, М. В. Щербаков и др. – жили в Харбине, Пекине, Шанхае, Тяньзине и др. Новые реалии их зарубежной жизни нашли свое отражение в поэтических мотивах их «китайских» стихов. Однако тема России осталась выразительным свидетельством осознания их неизменного национального статуса.

Список источников

1. Бузуев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: проблематика и художественное своеобразие (1917-1945 гг.): дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 337 с.
2. Ван Е. Символика образа крыльев в лирике Арсения Несмелова // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 187-193.
3. Гончаров И. А. Обрыв: роман. М.: Худож. лит., 1988. 654 с.
4. Горький А. М. История русской литературы. М.: ГИХЛ, 1939. 352 с.
5. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 479 с.
6. Лесков-Стебницкий Н. С. Русское общество в Париже. Сборник мелких беллетристических произведений. СПб.: Типография Скарятин, 1873. 690 с.
7. Лю Хао. Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенденции: дисс. ... к. филол. н. М., 2001. 261 с.
8. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной истории. М.: Республика, 1995. 663 с.
9. Мяо Хуэй. Особенности отражения китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). Ч. 3. С. 136-140. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/3-3/36.html> (дата обращения: 23.03.2019).
10. Несмелов А. И. Свою страну, страну судьбы лихой... // Русская поэзия Китая: антология. М.: Время, 2001. С. 318-319.

11. Садур Н. Н. Мои думы о денюжках [Электронный ресурс]. URL: <http://pavelrudnev.livejournal.com/767762.html> (дата обращения: 23.03.2019).
12. Троцкий В. Ю. С душой о России // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 3-44.
13. Трусова И. С. Арсений Несмелов: поэтическая биография: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2000. 238 с.
14. Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Худож. лит., 1979. 607 с.
15. Хадынская А. А. Утраченная Россия Арсения Несмелова // Север России: стратегии и перспективы развития: материалы III Всероссийской научно-практической конференции: в 3-х т. Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. Т. 1. С. 184-190.

RUSSIA'S IMAGE IN A. I. NESMELOV'S POEM "MY COUNTRY, THE COUNTRY OF DARING DESTINY..."

Pervushina Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Zang Yunmei

Far Eastern Federal University, Vladivostok
pervushelena@yandex.ru; 1374766721@qq.com

The article examines Russia's image represented in A. I. Nesmelov's poem "My Country, the Country of Daring Destiny..." as a composite image of the Russian literature. Till now the main theme of A. I. Nesmelov's poem has been interpreted exclusively as tragic. The authors believe that, providing the sorrowful feeling of loss and loneliness, the poem at the same time emphasizes the undeniable value of the Russian literature. The literary personages mentioned by the poet are associated with moral strength, dignity, spiritual endurance, aesthetic endowment, fullness of sensual experience.

Key words and phrases: Russian literature; Russian émigré literature; eastern branch of Russian émigré literature; A. I. Nesmelov's creative work; theme of Motherland; Russia's image.

УДК 82.0:801.6

Дата поступления рукописи: 26.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.12>

В статье исследуются особенности психологизма в системе романного творчества Л. Н. Толстого. За основу интерпретации взято наблюдение Д. С. Мережковского: «У Толстого мы слышим, потому что видим». По сути, в работе обстоятельно аргументируются положения о приемах, противоположных знаменитой форме психологического анализа, предложенной Н. Г. Чернышевским и разработанной исследователями, названной «диалектикой души». Новый аспект предложенного исследования («психологизм по Мережковскому»), а также обширные ссылки на тексты романов Толстого, подтверждающие правоту критика и доказывающие системность толстовского романного творчества, определяют научную новизну работы.

Ключевые слова и фразы: двухплановый диалог; «тайновидец плоти»; системность и эволюция романного творчества Л. Н. Толстого; одухотворение плоти; реабилитация плоти; «субъектные призмы» разных персонажей.

Склеинис Галина Альфредовна, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
Psy-adept@rambler.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАННОГО ТВОРЧЕСТВА Л. Н. ТОЛСТОГО: ПСИХОЛОГИЗМ «ПО МЕРЕЖКОВСКОМУ»

К толстовскому искусству психологического анализа исследователи обращались многократно. Исходным пунктом их наблюдений и размышлений становилось чаще всего знаменитое положение Н. Г. Чернышевского о повышенном интересе Л. Н. Толстого к «диалектике души» (под которой литературный критик понимает «сам психологический процесс, его формы, его законы») и «чистоте нравственного чувства». Объектом изучения в таких случаях служили внутренние и исповедальные монологи как приемы раскрытия этого «психологического процесса» [11, с. 279].

Достаточно внимания уделило литературоведение и такому средству раскрытия внутреннего мира толстовских героев, как двухплановый диалог. В. А. Ковалев в монографии «Поэтика Льва Толстого» выявляет разоблачающую функцию тех двухплановых диалогов и внутренних монологов («неслышных разговоров»), участники которых желают скрыть свои чувства, думают одно, а говорят другое [5, с. 10]. Чтобы подчеркнуть, сделать более явным самообман, самообольщение героя, автор комментирует этот диалог, «формулирует свое решение», показывает несоответствие «между произносимыми словами и скрываемыми чувствами» [Там же, с. 11].

Как явствует из приведенных в монографии примеров, речь у Ковалева идет о социальной функции диалогов. Мы же хотим обратиться к другой вариации двухпланового диалога – диалогу влюбленных. Дело в том, что сфера интимных чувств раскрывается в нем с помощью приемов, противоположных тем, которые охарактеризованы в статье Н. Г. Чернышевского «Детство и отрочество. Сочинения графа Л. Н. Толстого». «Благородное проявление чистейшего нравственного чувства» [11, с. 285] как доминанта толстовского мироощущения осложняется в них «реабилитацией плоти», а душевные движения раскрываются языком мимики и жестов.